

Сунь Цинфэн развешивал во дворе лисьи шкуры. Глядя на девственную белизну свежего снега, он вдруг поймал себя на мысли, что в каменной хижине царит жуткий беспорядок. Это было на удивление непривычно. Раньше такие мелочи его совершенно не заботили. Почти бессмертный, обречённый вечно скитаться по заснеженным просторам Белого моря, он жил одним днём, а его душа давно уподобилась стоячей воде. Единственным его развлечением было время от времени проучить перешедших границу воинов Гуйфан. Маленькая деревянная лачуга у самой границы Белого моря ветшала и продувалась насквозь всеми ветрами вот уже десять лет, а он даже не удосужился разузнать, откуда именно сквозит.

Но теперь всё изменилось: у него на руках остался Цзинь Линьэр.

Опыта воспитания детей у него не было вовсе, а собственное детство стёрлось из памяти давным-давно. В голове смутно роились лишь обрывки воспоминаний: младенцев непременно нужно кутать в пелёнки, а лагерные повара в военных походах всегда припрятавали для малолетних новобранцев самые лакомые кусочки. Из этого Цинфэн сделал глубокомысленный вывод: дети — существа хрупкие, требующие особого ухода, приличной одежды и сытной еды. К тому же Линьэр выглядел до того изнеженным, что, казалось, в неубранном доме мог запросто зачохнуть и помереть от обычной грязи.

Сунь Цинфэн покачал головой. Подумать только: простое решение вымыть пол потребовало таких сложных умозаключений! То ли ещё будет впереди... Он тяжело вздохнул, набрал ведро чистого снега, принёс в дом и, опустившись на колени, принялся оттирать пролитую накануне кровь.

Цзинь Линьэр и не подозревал, что за эти несколько мгновений в представлении своего невольного опекуна превратился в хрустальную вазу, готовую разбиться от любого неосторожного толчка или погибнуть от скопившейся пыли. Мальчик увлечённо раздумывал над словами, которые Сунь Цинфэн обронил перед уходом. Приняв их за твёрдое обещание, он от избытка чувств весело кувыркался на кровати.

Запекшаяся кровь на полу успела потемнеть, и отмыть её оказалось непросто. Сунь Цинфэн, непривычный к домашней работе, быстро потерял терпение. Недолго думая, он решил прибегнуть к внутренней силе: сосредоточил истинную ци в ладони и с силой провёл тряпкой по полу.

Раздался оглушительный треск. Каменная плита под его рукой не выдержала столь мощного воздействия и разлетелась вдребезги. Осколки взмыли в воздух и градом посыпались Цинфэну прямо на голову.

Линьэр восторженно захлопал в ладоши:

— Старший Сунь, вы такой невероятный!

Сунь Цинфэн заподозрил, что малец над ним издевается. Рыкнув в сердцах, он швырнул тряпку в угол и сердито скрестил руки на груди. Ну его, этот порядок!

Почуввав неладное, Линьэр мгновенно притих и с головой закопался в ватное одеяло.

Цинфэн угрюмо сидел на корточках, хмурясь и храня молчание. Наконец, смирившись с участью, он смёл обломки камня, подобрал тряпку и вновь принялся за работу. Прошло довольно много времени, а из угла не доносилось ни звука. Решив, что напугал мальчишку до полусмерти, великий воин поднял голову — и наткнулся на устремлённый на него взгляд.

Линьэр лежал на животе и тихо наблюдал за его трудами. В его тёмных, блестящих глазах прыгали отблески очага и отражался суеящийся Сунь Цинфэн.

Цинфэн почувствовал себя крайне неловко. Чтобы скрыть смущение, он буркнул как бы невзначай:

— И чего уставился? Отец твой погиб, дом захвачен чужаками, а тебе хоть бы хны? Неужели ни капли не жаль?

Договорив, он тут же мысленно обругал себя за грубость, но слово — не воробей, назад не воротишь.

К счастью, мальчик, похоже, не обиделся. Лишь при упоминании об отце его взгляд на мгновение угас. Тяжело вздохнув, он тихо произнёс:

— Матушка всегда говорила: в жизни человека бывает много радостей, но и невзгод хватает. Это как смена времён года — закон природы. Нельзя, стоя посреди сугробов, вечно тосковать по летнему солнцу. Когда холодно, нужно самому разжечь очаг. Теперь, когда мамы и папы больше нет, мне остаётся только одно — жить дальше. И жить хорошо.

Немного помолчав, Линьэр вылез из-под одеяла, подполз поближе и бережно обхватил ладонями широкую, мозолистую руку Цинфэна. На его лице снова заиграла слабая улыбка:

— Когда со мной была мама, отца не было рядом. А когда вернулся отец, не стало мамы. Теперь я лишился их обоих... но судьба подарила мне встречу с вами. Значит, я всё ещё очень удачлив.

— Это ты мне сейчас скорую кончину пророчишь? — в своей обычной манере рявкнул Цинфэн, но тут же осёкся.

Из-за необычного телосложения его тело всегда оставалось ледяным. Но сейчас, когда маленькие, тёплые ладошки Линьэра сжали его пальцы, Цинфэну показалось, будто его, точно кусок льда, бросили в жарко натопленную печь, где он вот-вот растает без следа.

Он предательски покраснел. Сунь Цинфэн поспешно высвободил руку и зашагал к очагу. Схватив тяжелый тесак, он одним резким ударом отрубил лисице голову и едва слышно пробормотал:

— Больше ты никого не потеряешь.

В котелке уже закипала вода, поднимая клубы пара. Цинфэн принялся с силой кромсать лисье мясо на куски. Раздался частый, мерный стук ножа по разделочной доске.

За стенами хижины всё так же безмолвно падал снег, укутывая мир в полумрак, но здесь, внутри затерянного среди ледяной пустоши каменного приюта, становилось тепло и уютно. В воздухе повеяло простым домашним покоем.

Линьэр сам не заметил, как задремал. Очнувшись он от дразнящего аромата варёного риса. Живо вскочив с постели, мальчик попытался влезть в свою прежнюю одежду, но та оказалась безбожно мала — и рукава, и подол едва доходили до середины предплечий и голеней. Немного подумав, он отыскал в деревянном сундуке вещи отца. Одевание Чжао Шо висело на нём мешком: пустые рукава болтались до колен, штанины гармошкой легли на сапоги, а подол волочился по полу, словно простыня. Наряд выглядел уморительно. Находя это забавным, Линьэр принялся дурачиться — мотал головой, размахивал длинными рукавами и весело хохотал над собственным отражением.

Сунь Цинфэн не обращал на его проказы никакого внимания. Обливаясь потом, он со зверским выражением лица застыл над разделочной доской, примериваясь к ней тесаком так и сяк. Несмотря на все усилия, нарубленные им куски мяса всё равно выходили кривыми и до нелепости разными.

Линьэр вприпрыжку подошёл к очагу и, поднырнув под руку великана, с любопытством уставился на доску.

— Ого, старший Сунь! Вы даже мясо режете совершенно не так, как все. Неужели прямо в таком виде и бросите в котел?

Цинфэн бесцеремонно пихнул его ладонью в макушку, заставив отпрянуть, со стуком вогнал тесак в дерево и махом свалил все куски в кипяток.

— Помолчи лучше. Скажи спасибо, что вообще голодным не останешься, — буркнул он.

Дети удивительно просты и чужды предрассудков, они видят суть вещей там, где взрослые цепляются за внешнее. Линьэр прекрасно понимал: пускай его суровый спутник вечно ворчит и хмурится, на деле он человек добрый. Не прошло и дня, как мальчик осмелел настолько, что решился слегка покапризничать.

— Старший Сунь, а я слышал, что лисье мясо ужасно воняет тинной. Есть его совсем невозможно.

Сунь Цинфэн насупился. Однако при слове «воняет» он невольно вспомнил, как прошлой

ночью этот ребёнок ради его спасения до капли выпил тёплую кровь того самого зверя. Подавив раздражение, он хмуро спросил:

— И где я тебе здесь возьму приправы, умник?

— А я знаю где! Идёмте за мной, — Линьэр схватил его за руку и потянул в угол комнаты, к тяжелому железному сундуку. Мальчик навалился на него всем телом, пытаясь сдвинуть с места, но тот даже не качнулся.

Цинфэн играючи, одной рукой поднял сундук и отставил в сторону. Внимательно оглядев серые плиты пола под ним, он не заметил ничего необычного.

— Ну и что дальше? Что мы ищем?

Линьэр, что-то шепча под нос, принялся в определённом порядке нажимать на выступающие края каменных плит.

— Матушка всегда мечтала забрать отца с горы Цинмин, чтобы мы зажили обычной семьёй в Лощине Абрикосового цвета, — пояснял он на ходу. — Но папа не мог покинуть гору. За всю жизнь он лишь раз оставил Белое море — когда отправился на гору Шаоши на Собрание героев Альянса боевых искусств. Там они и встретились. Потом мама тяжело заболела, ей пришлось вернуться сюда ради покоя, но подниматься на Цинмин она наотрез отказалась. Тогда отец построил для неё эту каменную хижину, а глубоко под ней обустроил тайник. Теперь я понимаю... они, должно быть, предвидели такой исход. Всё это они приготовили для меня.

Раздался негромкий щелчок скрытого механизма. Тяжелые каменные плиты плавно разошлись в стороны, открывая тёмный зев прохода с уходящими вниз ступенями.

Сунь Цинфэн на скорую руку соорудил факел из сухой ветки и протянул его мальчику:

— Спустись и поживее обратно. Если огонь начнёт гаснуть, бросай всё и поднимайся. Не вздумай блуждать там в темноте.

— Да не переживайте вы так, старший Сунь, я там сто раз бывал! — весело отозвался Линьэр. Сжимая в руке факел и забавно придерживая подол слишком длинного отцовского халата, он уверенно шагнул на лестницу и вскоре скрылся в черном проёме.

Вернувшись к котелку, Цинфэн хмуро уставился на плавающие в бульоне белесые куски мяса.

«Интересно, — размышлял он, лениво помешивая варево, — его "не как у всех" — это похвала или издевка?»

Как бы то ни было, терпения у великого воина хватило ненадолго. Спустя пару минут он отложил тесак, задвинул дверной засов и сам шагнул в подземелье. Отсчитав ровно девяносто девять ступеней, он наконец коснулся ровного пола и вполголоса проворчал:

— Твой отец, похоже, умудрился перекопать всю здешнюю гору. Эй, Линьэр! За какими такими специями можно так долго возиться?

Ответом ему была мертвая тишина. Сунь Цинфэн почувствовал, как неприятный холодок закрался в грудь.

— Линьэр? — позвал он громче.

Ни звука.

Ускорив шаг, Цинфэн стал настороженно оглядываться по сторонам. Подземный зал оказался на удивление огромным, мало уступающим по размерам главному залу Культа Золотого света. В стены из дикого камня были вделаны редкие жемчужины ночного сияния, испускавшие призрачный холодный свет. И в этом мертвенном свете перед его взором предстали целые горы золота и драгоценностей, застилавшие пол.

О том, какими богатствами ворочал Культ, в Поднебесной ходило немало слухов. Прежде Цинфэн не принимал их на веру, зная, что Чжао Шо никогда не был падок на презренный металл. Теперь же стало очевидно, что молва не лгала, хотя у Чжао Шо наверняка имелись на это свои, веские причины.

— М-м-м! М-пф! — донёсся спереди приглушённый, нечленораздельный хрип. Похоже, мальчишке зажали рот.

— Какая тварь посмела сюда сунуться?! — взревел Сунь Цинфэн и, выхватив меч, бросился на звук.

Однако никаких грабителей впереди не оказалось. На куче золотых монет беспомощно барахтался Линьэр.

Мальчика намертво опутала длинная кожаная плеть. Толщиной в два пальца взрослого мужчины и длиной в несколько чжанов, она обладала пугающей упругостью. Стоило Линьэру шевельнуться, как путы затягивались лишь сильнее, сдавливая тело, точно разъярённый питон, душащий добычу. Плеть обвила лицо ребёнка, лишив его возможности даже позвать на помощь.

— Не бойся, я здесь! — Цинфэн подскочил к мальчику и с силой рубанул по кожаным кольцам мечом, но лезвие скользнуло по материалу, не оставив даже царапины.

Прижав ребёнка к себе, Сунь Цинфэн попытался распутать узлы пальцами, но плетё отозвалась на это яростным сопротивлением — она натянулась со зловещим скрипом, готовая переломать детские рёбра. Линьэр задержался из последних сил и отчаянно закивал головой в сторону одного из звеньев плети, безмолвно умоляя спутника приглядеться.

Цинфэн стёр пальцами налёт вековой пыли с кожаной поверхности и разглядел вырезанные на ней мелкие знаки.

— Это же письма демонов... Неужели магический артефакт? «Разделяй кровью...»

Не успев договорить, он полоснул себя острием клинка по предплечью.

Но его тело почти не знало тепла, и крови в нём почти не осталось — на порезе выступило лишь несколько скудных капель. Стоило ему размазать их по древней коже плети, как та лишь тускло мигнула и вновь сжалась мертвой хваткой.

— Прости, парень, во мне крови кот наплакал. Потерпи немного, за ужином положу тебе кусок побольше, — другого выхода не было. Цинфэн кончиком лезвия аккуратно надрезал кожу на руке Линьэра. Яркая, теплая струйка потекла прямо на проклятую плетё.

В ту же секунду пути вспыхнули ослепительным золотым светом, бессильно соскользнули с тела мальчика и безжизненно распластались на полу.

Едва освободившись, Линьэр со слезами бросился Цинфэну на шею и громко зарыдал.

Превозмогая привычную неприязнь к чужим прикосновениям, Сунь Цинфэн неловко похлопал его по спине. Попытавшись придать своему хриплому голосу хоть немного мягкости, он выдавил:

— Ну всё, всё... Не реви. Всё уже позади.

Но от этих ласковых слов Линьэру стало лишь в стократ обиднее, и он завыл во весь голос.

— Будет тебе! — не выдержал наконец Цинфэн, сердито зыркнув на мальчишку. — Мужчина ты или кто? Что за бабьи слёзы!

Мальчик тут же затих — оказалось, плакал он больше для виду. Хлюпнув носом, он украдкой взглянул на великана и, поняв, что тот сердится не всерьёз, окончательно успокоился.

— Спасибо, старший Сунь. Если бы не вы, лежать бы мне тут мёртвым среди золота.

— Владыка преисподней не посмеет забрать твою душу, не спросив дозволения у моего меча,
— Цинфэн отстранил Линьэра и внимательно осмотрел его на предмет ушибов и переломов. Убедившись, что кости целы, он бесцеремонно поднял его раненую руку к лицу мальчика: — Слюной прижми, залижи ранку. Кровь переведёшь попусту — и так бледный как поганка.

Линьэр послушно принялся зализывать порез. К его великому изумлению, кровь тут же остановилась.

— Невероятно! Старший Сунь, вы просто волшебник!

— Хватит болтать глупости! — буркнул Цинфэн, не переносивший лести. Он отпустил мальчика, поднял с пола притихшую плетъ и принялся разглядывать её при свете жемчужин.
— Это Верёвка, связывающая демонов. Она реагирует на любое живое существо, в чьих жилах течёт теплая кровь. Стоило ей испить твоей крови, как она распознала в тебе человека и усмирила свой нрав.

— А почему она вас не тронула? — удивленно сморгнул Линьэр. — Вы что... демон?

— Я человек, — отрезал Цинфэн, не собираясь пускаться в долгие объяснения своего странного недуга. Он отложил артефакт в сторону и строго спросил: — Я отправил тебя за специями. Какого черта ты полез ворошить старый хлам?

— Пойдёмте, я вам кое-что покажу, — Линьэр ухватил его за край рукава и потащил вглубь подземелья.

Цинфэн послушно шагал следом, но в темноте случайно наступил на волочащийся по земле подол огромного отцовского халата. Линьэр с коротким писком полетел носом вперёд прямо на камни и тут же набрал в грудь воздуха, собираясь завывать пуще прежнего.

В ужасе зажмурившись, Цинфэн рванулся вперёд, зажал мальчишке рот ладонью и, взвалив его себе на плечо, обречённо потащил дальше. С этим несносным ребёнком у него голова шла кругом. Сил злиться уже просто не оставалось.

Вскоре перед ними вырос круглый каменный алтарь.

Линьэр обиженно надул губы:

— Когда мы с отцом спускались сюда в прошлом году, чтобы помянуть маму, тут ничего подобного не было. Зачем папа натащил сюда все эти странные вещи?

Сунь Цинфэн опустил мальчика на землю и принялся изучать высеченные на полу знаки.

— Перед нами Построение Покорности демонов. Скажи, в тот день, когда отец передавал тебе своё мастерство, он давал какие-нибудь особые наставления?

— Ну... говорил, чтобы я не прятал простыни, если вдруг ночью случится беда... Ещё велел не есть сладости, которые пролежали дольше трёх дней, — Линьэр принялся загибать пальцы, сиюсь вспомнить. Вдруг он звонко хлопнул себя по лбу: — Точно! Он упоминал два меча!

— Какие мечи? — быстро спросил Цинфэн.

— Папа велел мне сокрыть здесь его верный клинок, Отражающий зло, — припомнил Линьэр. — А ровно через десять лет вернуться сюда, чтобы провести поминальный обряд, и принести с собой другой меч — Губитель душ. Но Поднебесная так огромна! Откуда мне знать, где искать оружие, от которого у меня есть только имя?

— Клинок, который висит у меня за спиной, и есть Губитель душ, — ровным голосом произнес Сунь Цинфэн.

Линьэр совсем растерялся:

— Но зачем отцу понадобился ваш Губитель душ?

— Заставив тебя спрятать здесь меч, он хотел, чтобы ты нашёл этот тайник со всеми его сокровищами.

— Золото ведь нельзя съесть, на что оно мне? — шмыгнул носом ребёнок.

Сунь Цинфэн решил воспользоваться моментом, чтобы склонить его к изучению истинных боевых искусств:

— Глупый малец, в этом мире за всё приходится платить. Твой отец оставил тебе это богатство, чтобы ты ни в чём не нуждался и мог всецело посвятить себя тренировкам. Настанет день, и ты уничтожишь Альянс боевых искусств, возродишь Культ Золотого света и станешь великим главой, каким был твой отец.

Линьэр упрямо мотнул головой:

— Если бы отец не практиковал это жуткое искусство поглощения крови, люди из Альянса никогда не нарекли бы его дьяволом и не пришли бы на гору Цинмин с мечами. Я не стану повторять его ошибок.

Сунь Цинфэн опешил от таких слов:

— Отрекаешься от наследия предков? Не боишься, что духи твоих родителей умоются слезами от такого предательства?

— Матушка всегда повторяла, что месть рождает лишь новую месть, и этому кругу не будет конца, — недетская серьёзность сквозила в голосе мальчика. — Она учила меня не держать зла на мир, а на добро отвечать добром. Мама была невероятно мудрой. Она наверняка предвидела, что над Культом сгустятся тучи, и потому твердила мне: вырасти достойным человеком, храни в сердце милосердие и иди стезёй праведности. Я никогда не стану Главой Дьявольского культа.

— Значит, и мстить за отца не собираешься?

— Папа сам сделал этот шаг, шагнув в бездну с Утёса Осеннего клёна, — тихо ответил Линьэр. — Люди из Альянса лишь преследовали его, но загнал его в угол кто-то другой. И если я когда-нибудь решусь на месть, то найду именно того кукловода, что дирижировал этой трагедией. А иначе чем я буду отличаться от ослеплённых яростью праведников из Альянса боевых искусств, которые крушат всё без разбора?

Сунь Цинфэн ошарашенно уставился на беззубого мальчишку. В словах этого недоростка сквозила такая непреклонная, чистая сила, что воину оставалось лишь сокрушённо выдохнуть:

— Твоя мать... чёрт бы её побрал... кхм, истинно великая была женщина.

— Мама была невероятно красивой! — с гордостью подхватил Линьэр. — Если бы вы её встретили, непременно бы влюбились!

— Охотно верю, — Цинфэн снова подхватил его на руки. Коснувшись грубой щетиной нежной, как лепесток персика, детской щечки, он невольно кивнул, соглашаясь, что у такой красавицы и сын уродился на диво ладным. И лишь мгновение спустя до него дошёл смысл сказанного: — погоди, с какого это перепугу мне влюбляться в твою мать?!

— А ну стой! Ничего не трогай! — рявкнул Цинфэн, вовремя перехватив любопытную ручонку Линьэра, которая уже тянулась к узорчатому выступу на алтаре. Чтобы малец снова не угодил в ловушку, он крепко сжал обе его ладошки в своей огромной руке.

— Но всё-таки, старший Сунь, зачем папе понадобился ваш Губитель душ? — не унимался Линьэр.

— Наше Божественное искусство Золотого облика давным-давно передал твоему предку, генералу Чжао Хуаню, безумный даос по имени Ху Цзю. В те времена иного способа отстоять рубежи империи и прогнать дикарей Гуйфан просто не существовало. Тот еретик заключил с генералом договор: ровно через двести лет он вернётся сюда, на побережье Белого моря, чтобы забрать золотую печать, которая теперь горит на твоём челе. Но этот ритуал неизбежно убьёт и тебя, и меня.

— Так это и есть тот самый «двухсотлетний уговор»? — прошептал Линьэр.

Сунь Цинфэн угрюмо кивнул:

— Чжао Шо перед смертью велел мне спасти тебя и привезти сюда, в Лошину Абрикосового цвета. Он надеялся, что здесь мы найдём спасение. Он не стал раскрывать тебе тайну этого построения напрямую, заставив лишь спрятать клинки и совершить поминальный обряд спустя годы. Твой отец резонно опасался, что если ты угодишь в лапы ищеек из Альянса, они выпытают у тебя всё под пытками. Но его замысел глубже: собрав здесь оба меча через десять лет, мы должны были активировать это построение и пленить проклятого даоса, когда тот явится за долгом. Но... разве под силу простым смертным тягаться с бессмертным чернокнижником?

— Мужчина должен держать своё слово, — упрямо выпятил подбородок Линьэр. — Раз обещали — нужно вернуть. Я боюсь смерти, но бесчестия боюсь сильнее.

— Всё гораздо сложнее, глупая твоя голова, — вздохнул Цинфэн. — Твой род и рад бы отдать эту проклятую печать Ху Цзю, да только при её сотворении двести лет назад что-то пошло не так. Если этот безумец попытается вырвать её силой, здешние земли постигнет ужасная катастрофа. Сам он об этом изъяне едва ли догадывается. Нам нужно отыскать его и во всём разобраться мирно. Твой отец воздвиг этот алтарь из великой любви к тебе, желая уберечь своего единственного наследника. Вот только толку от этих камней мало: Чжао Шо бежал в спешке и, похоже, так и не успел раздобыть Знамя призыва Инь-Ян, без которого построение — лишь груда булыжников.

— Какое зна... зна-чего? — захлопал глазами мальчик.

— Забудь. Всё равно ничего не поймёшь.

Линьэр совсем запутался во всех этих колдовских тонкостях. Он так и не понял, кто такой этот таинственный «еретик», зато уцепился за знакомое слово. Гордо выпятив грудь колесом, он заявил:

— А вот и пойму! Мой друг, братец Чэнь Юньцин, обладает истинной духовной силой. Его Бюро по поимке демонов Куньлуня как раз и занимается тем, что ловит всякую нечисть!

Сунь Цинфэн резко переменялся в лице:

— Когда это ты успел с ним встретиться?

Поняв, что шутки кончились, Линьэр без утайки выложил всё, что приключилось с ним прошлой ночью.

Выслушав рассказ, Цинфэн молча отыскал среди припасов мешок с рисом, сгрузил Линьэра на землю и легко закинул тяжелую ношу себе на плечо.

— Этот смазливый юнец Чэнь зубы тебе заговорил, — сердито проворчал он. — Все эти чинуши из Бюро — лицемеры и подлецы, верить им нельзя.

— А вот и нет! — горячо возразил Линьэр, бережно прижимая к груди охапку сушёных кореньев и мешочков со специями. — Братец Чэнь — замечательный! Он утешил меня, когда мне было невыносимо горько, и показал, что хороших людей в мире гораздо больше, чем злых. Но вы, конечно, ещё лучше! Вы вообще самый замечательный человек на свете после мамы и папы!

— Да ты совсем глупый, раз белое от чёрного отличить не можешь! — Цинфэн закатил глаза и легонько подтолкнул мальчишку к выходу. — Повторяю для особо одарённых: это я привёл карателей из Альянса на гору Цинмин. Из-за меня погиб твой отец. Ты должен люто ненавидеть меня, тренироваться день и ночь и спать и видеть, как свернёшь мне шею!

Сделав пару шагов по ступеням, Линьэр остановился и с предельно серьёзным видом обернулся к великану:

— Я всё хорошенько обдумал. Даже если бы вы не показали им дорогу, они бы всё равно поднялись на вершину. В этой бескрайней снежной пустыне людям просто больше нигде укрыться, кроме как на горе Цинмин. К тому же, если бы я попытался увести их по ложному следу, они бы мигом раскусили обман и убили меня на месте. Вы спасили мне жизнь. Как я могу вас ненавидеть? Вы — очень хороший человек.

Сунь Цинфэн, веками избегавший долгих бесед, ошеломлённо молчал, не зная, что возразить этому неразумному дитяти. Что за наваждение? Может, этот малец действительно послан ему небом как личное проклятие?

— Ну и дьяволёнок... — только и смог выдохнуть он.

— Я не дьяволёнок! Я буду великим героем! — воинственно воскликнул Линьэр. От избытка чувств он взмахнул руками, и из его охапки на каменный пол с тихим стуком посыпались сушёные корни имбиря. Наступив на один из них, мальчик едва не растянулся во весь рост.

— К чёрту всё! — Сунь Цинфэн сокрушённо покачал головой. — Я живу на этом свете больше двух веков, выпестовал пятерых глав Дьявольского культа, но ты, клянусь предками, худший из всех! На старости лет я окончательно лишился рассудка.

Не желая больше выслушивать детские бредни о праведности, он одной рукой подхватил Линьэра вместе со всеми его специями под мышку и быстрыми шагами устремился прочь из подземного мрака к свету.

<http://bllate.org/book/18425/1768521>